

Г. И. Пелих

О МЕТОДЕ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ СИБИРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

В статье А. А. Формозова, посвященной критическому рассмотрению хронологической классификации сибирских писаниц¹, затронут широкий круг вопросов, которые привлекут еще, очевидно, внимание многих исследователей Сибири. Все же основной темой статьи является (говорит об этом автор прямо или нет) проблема метода научной классификации.

Как известно, хронологическая схема сибирских петроглифов была разработана А. П. Окладниковым. Опубликованные им монографии («Шишкинские писаницы» — 1959, «Ленские писаницы» — 1959, «Петроглифы Ангара» — 1966) дают широкую возможность судить о методе его научно-исследовательской работы. Этот аспект творческой деятельности А. П. Окладникова привлек к себе внимание А. А. Формозова, причем изучение вопроса привело последнего к выводу о том, что применяемый А. П. Окладниковым «метод работы с крайне сложными источниками мало плодотворен»². Такое заключение о работе одного из ведущих исследователей в области сибирской археологии вызывает, с нашей точки зрения, необходимость разобраться в сущности вопроса, поднятого А. А. Формозовым.

Вопрос о методе научной классификации является одной из кардинальных проблем современной историографии³. А. А. Формозов рассматривает его применительно к узкой области изучения сибирских петроглифов и не столько в теоретическом плане, сколько в виде критического пересмотра хронологической схемы А. П. Окладникова сквозь призму конкретного археологического материала.

Проследим внимательно за мыслью А. А. Формозова. В чем же заключается, по его мнению, слабость научно-исследовательского метода А. П. Окладникова?

Прежде всего, А. А. Формозов подчеркивает заслуги критикуемого им автора в деле публикации сибирских писаниц и указывает, что «материал, введенный А. П. Окладниковым в научный оборот, обилен и исключительно интересен»⁴. Затем он признает наличие у А. П. Окладникова ряда «ценных наблюдений». Но научное обобщение и создание на его основе хронологической классификации А. А. Формозов считает преждевременным. Это обусловлено, по его мнению, «в первую очередь состоянием наших источников»⁵. «Нельзя забывать, — пишет он, — что

¹ А. А. Формозов, О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее, «Сов. этнография», 1967, № 3.

² Там же, стр. 69.

³ Сама возможность систематической классификации рассматривается в зарубежной историографии как один из критериев научного исследования в плане противопоставления его историческому знанию. См.: A. R. Radcliffe-Brown, Structure and function in primitive society, London, 1959, p. 7; G. Heckscher, The study of comparative government and politics, Wien and London, 1957, p. 39, 40.

⁴ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 68.

⁵ Там же, стр. 69.

изучение сибирских писаниц только начинается». Отсюда, по его мнению, «скудость аргументации», которую А. П. Окладников «старается не замечать». Отсюда же, заключает А. А. Формозов, порочность всей хронологической схемы, так как она (в силу отсутствия точно датировемого материала) «почти всегда основана на косвенных соображениях, а нередко на одной интуиции»⁶. А. А. Формозов считает, что «целесообразнее попытаться найти в сибирском материале пусть немногие, но действительно опорные точки, признавая в других случаях, что данных для датировки у нас нет, и не прибегая к догадкам и гипотезам, сколь бы заманчивы они ни были»⁷.

Логика рассуждений А. А. Формозова предельно ясна. Следуя ей, он переходит затем к рассмотрению частных вопросов сибирской археологии с целью изучения «опорных точек» посредством привлечения разнообразного круга сибирских материалов. Выясненные таким образом отдельные даты противоречат, как постоянно указывает А. А. Формозов, существующей хронологической схеме, следовательно, доказывают ее негодность.

Нет необходимости сейчас говорить о важности изучения для историка (любой специальности) индивидуальных связей явлений. Если установленные таким образом факты действительно противоречат обобщающей схеме, то неизбежно встанет вопрос о реальности отражения в ней объективного исторического процесса. Поэтому мы начнем рассмотрение обсуждаемой статьи с анализа приводимой А. А. Формозовым конкретной аргументации. Однако здесь (как это ни странно после строго критических мыслей, высказанных автором в начале статьи) мы встречаемся с фактом привлечения им в качестве аргументов самых общих, зачастую проблематичных, и большей частью ничего не доказывающих положений.

Возьмем, к примеру, способ датировки А. А. Формозовым группы наскальных рисунков Енисея и Ангара II тысячелетия до н. э. В качестве подтверждения «установленной» им даты А. А. Формозов проводит сопоставление изображений лыжников на 2-м Каменном острове Ангара, в Шалаболине и Томской писанице с фигурой лыжника на рукоятке бронзового ножа, найденного В. И. Матющенко в 1966 г. в могильнике Ростовка под Омском, и отмечает, что «близкая аналогия этой фигуре известна в Залавруге на Беломорье»⁸. Отсюда делается вывод: «Хотя эти рисунки на скалах очень удалены друг от друга, все же они слишком похожи, чтобы расцениваться как результат простой конвергенции... Скорее всего перед нами повсюду изображение какого-то мифического персонажа, представление о котором широко распространилось по лесной полосе Евразии»⁹.

Предположим, что утверждение автора о сходстве вышеупомянутых фигур лыжников не нуждается в доказательствах (хотя один из них преследует лося, а второй едет на поводу за конем). Предположим также и то, что за этими образами действительно скрывается единый мифический сюжет. Но какие выводы в плане уточнения хронологии можно сделать на основе общности одного мифического сюжета? Проблемами такого рода в свое время увлекался Г. Н. Потанин и легко доказывал наличие в Северной Азии в XIX в. легенд, тождественных библейскому сказанию о царе Соломоне¹⁰. Он находил в современной ему Монголии

⁶ А. А. Формозов, Указ, раб., стр. 68.

⁷ Там же, стр. 69.

⁸ Там же, стр. 78.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ Г. Н. Потанин, Сага о Соломоне, Томск, 1912, стр. 136—142.

сюжеты эпоса о Нибелунгах¹¹. Правда, Г. Н. Потанин привлекал огромный фактический материал и не ставил перед собой задачу переосмысления хронологических схем, в то время как А. А. Формозов на основе проблематичной общности одного сюжета заявляет следующее: «мы получили еще одно подтверждение даты — 2-е тысячелетие до н. э.»¹².

Возьмем другой пример. А. А. Формозов связывает изображения лодок с пловцами с солярным мифом «в основе египетского происхождения»¹³. Никаких пояснений не приводится. Почему речь идет о мифе «египетского происхождения?» Изображение солярной ладьи такого типа хорошо известно, например, и в древнем Двуречье¹⁴, там же существовал праздник (Akiti), в ритуал которого входила солярная ладья¹⁵. Мы не будем сейчас касаться полемиического вопроса зарубежной историографии о древнешумерийском или египетском происхождении образа солярной ладьи. Но есть ли у нас уверенность в том, что лодки сибирских писаниц связаны с мифом египетского происхождения? И в какой мере все это может помочь в определении дат сибирских петроглифов?

В своей аргументации А. А. Формозов неоднократно обращается к материалам раскопок томских археологов. «Важное значение имеют, — пишет он, — находки на стоянке Самусь IV под Томском. Здесь на сосудах часто встречаются изображения, близко напоминающие окуневские, но дата их иная — XIV—XIII вв. до н. э. ... Следовательно, сюжет бытовавший на Верхнем Енисее в первой половине II тысячелетия до н. э., проник на Томь несколькими столетиями позже. Вероятно, не слишком рано он попал и на верхнюю Лену и Ангару»¹⁶. Перед нами обычный способ доказательства А. А. Формозова. Недостаток его заключается в том, что автор уверенно оперирует еще не совсем выясненными фактами. Действительно, сибирскими археологами неоднократно высказывались предположения о близости самусьских и окуневских памятников, но здесь еще многое не ясно, в том числе и направление, откуда шло влияние. Кроме того, В. И. Матющенко, открывший томскую культуру (к которой относятся и материалы поселения Самусь IV), подчеркивает, что «сложилась томская культура на основе неолитической культуры томских племен»¹⁷. Глубокие связи памятников Самусь IV с неолитом не исключают возможности бытования многих черт ее культуры в более ранний период истории Притомья. И в какой мере все это может свидетельствовать о том, что на Верхнюю Лену и Ангару данный сюжет попал тоже не слишком рано?

Дальше автор статьи обращает внимание на совпадение ареалов распространения фигурок каменных рыб и сибирских писаниц. К западу от Енисея, пишет он, известна «лишь одна каменная рыба из Барабинской степи. Таким образом, ареал характернейших неолитических изделий совпадает с ареалом писаниц определенного типа. А это позволяет ду

¹¹ Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М. 1899, стр. 20—46, 366.

¹² А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 78.

¹³ Там же, стр. 79.

¹⁴ V. Christian, *Alttertumskunde des Zweistromlandes*, Bd. I, Leipzig, 1949, Tafel 35.

¹⁵ A. Falkenstein, Akiti-Fest und Akiti Fest-Haus, «Festschrift Johannes Friedrich zum 65 Geburtstag am 27 August 1958 gewidmet», Heidelberg, 1959, S. 165.

¹⁶ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 79.

¹⁷ В. И. Матющенко, Томская культура эпохи бронзы, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961, стр. 291.

¹⁸ В. И. Матющенко, К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи, «Советская археология», 1956, т. 4, стр. 165.

мать, что объединяющий их стиль выработался примерно в неолитическое время, не ранее серовского этапа»¹⁹. Единственным доказательством высказанного положения является для автора «факт» совпадения ареалов сибирских писаниц и неолитических фигурок каменных рыб. Между тем, например, на территории Среднего Приобья, где нет писаниц, также был распространен обычай изготовления каменных рыб. Неопубликованные этнографические материалы о них могли быть автору неизвестны. Но сведения о них и рисунок одной из таких рыбок были опубликованы А. П. Дульзоном еще в 1956 г.²⁰, а в районе р. Томи, где есть писаница, действительно, не обнаружено ни одного свидетельства о каменных рыбах. Возможно, совпадение ареалов писаниц и каменных рыб не всегда обязательно? На чем же тогда может быть основано заключение автора о появлении «объединяющего» их стиля?

Разбор подобного рода аргументации может быть продолжен, и мы позже еще вернемся к этому вопросу. Приведенные примеры дают представление о результатах усилий автора найти новые «опорные точки» датировки сибирских писаниц. Фактически все здесь подчинено одной цели: доказать непригодность использованного А. П. Окладниковым метода создания хронологической схемы.

Действительно, метод работы А. П. Окладникова коренным образом противоположен взглядам А. А. Формозова по этому вопросу. Упрек последнего в том, что А. П. Окладников не замечает «скудости» сибирских материалов, необоснован. Наоборот, А. П. Окладников в этом отношении идет гораздо дальше своего оппонента и прямо признает, что «сибирские писаницы не сопровождаются какими-либо датирующими предметами»²¹. Как известно, в области изучения сибирских писаниц А. П. Окладниковым были проведены многочисленные исследования частных вопросов. Именно их результаты относит, вероятно, А. А. Формозов к числу «ценных наблюдений» А. П. Окладникова. Но не они легли в основу научной классификации сибирских писаниц. При разработке ее А. П. Окладников пошел по другому пути. В основе его творческого метода лежит стремление установить общие тенденции развития искусства наскальной живописи во всемирно-историческом масштабе в их динамике и обусловленности. Общие закономерности в развитии первобытного искусства служат отправным пунктом для воссоздания генезиса наскальных изображений Сибири на основе анализа стиля, техники исполнения, содержания. Хронологическая схема А. П. Окладникова является признанием закономерности исторического процесса и единства познавательных средств, в том числе и в такой сложной области, как изобразительное искусство. Естественно, для такого рода работы необходим соответствующий уровень научного кругозора и овладение методикой сравнительно-исторического анализа.

Мы не собираемся утверждать, что предложенная А. П. Окладниковым схема является абсолютным и неизменным итогом наших знаний о предмете и что она не имеет уязвимых мест. Но критика ее должна вестись на соответствующем уровне научного обобщения.

А. А. Формозов допускает упрощенную трактовку взглядов критикуемого им автора. По его мнению, «к датировке наскальных изображений Сибири А. П. Окладников подходит путем сопоставления с петроглифами других, в том числе очень отдаленных районов (ориньякской живописи

¹⁹ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 81.

²⁰ А. П. Дульзон, Археологические памятники Томской области, «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V, 1956, стр. 191.

²¹ А. П. Окладников, Петроглифы Ангары, М., 1966, стр. 107.

си Франции и Испании, гравировки на скалах Норвегии и Швеции»²². Таким образом, делается попытка свести всю работу исследователя к поискам простых параллелей, тогда как целью его является установление тенденций генезиса наскальных изображений. Это ясно каждому, знакомому с трудами А. П. Окладникова, в том числе и самому А. А. Формозову. Не случайно он все же один раз затрагивает и этот аспект творчества А. П. Окладникова. «В общем плане, — пишет А. А. Формозов, — схема кажется убедительной. Действительно, для первобытного искусства закономерно, что вначале изображений человека почти нет (палеолитическая живопись Франции), и в большом числе они появляются только в эпоху бронзы. Правильно, в целом, и то, что на протяжении веков фигуры петроглифов уменьшаются и становятся все схематичнее»²³. Но дальше автор статьи говорит, что эта схема хронологии сибирских писаниц не выдерживает детального разбора и указывает, что «эволюция искусства у этих племен могла идти совершенно особыми путями»²⁴. Не имеет ли автор в виду идею многолинейной эволюции в области развития искусства? К сожалению, А. А. Формозов не считает возможным развить свою мысль. И вообще больше не возвращается к данному вопросу. Хотя, казалось бы, если у А. А. Формозова имеются критические замечания в этом плане, о них следовало бы сказать прямо. Но А. А. Формозов предпочитает лишь подчеркивать необходимость исследования отдельных «опорных точек».

Крайний эмпиризм с отказом от генерализующего рассмотрения истории характерен для современной буржуазной археологии. Однако значительная часть буржуазных историков уже начинает понимать необходимость борьбы с увлечением фактологией, мелкотемьем, с отказом от больших проблем и широких обобщений²⁵. Мы не собираемся утверждать, что теоретико-методологические взгляды А. А. Формозова могут быть определены с позиций идеографического метода буржуазной историографии. Но нельзя отрицать и наличия в его статье элементов узкоэмпирического подхода к рассматриваемым явлениям. Это выразилось в нежелании полемизировать на должном уровне с А. П. Окладниковым, в ориентации на исследование частных вопросов, а также в отношении к некоторым конкретным методам исторического анализа.

Правда, в своей статье А. А. Формозов не касается вопросов теории метода. Однако в любом исследовании так или иначе всегда проступает отношение автора к отдельным методам научной работы, так же как и степень овладения этими методами. (Мы употребляем понятие метод не в философско-мировоззренческом смысле, а как «организованную систему способов исследования»)²⁶.

В частности, в статье А. А. Формозова косвенным образом затрагиваются вопросы, связанные с так называемым типологическим методом, который провозглашен буржуазными историками «гениальным методом исторической типологии»²⁷. В советской историографии данный метод неоднократно подвергался как критике, так и дальнейшей разработке²⁸.

²² А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 69.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Там же, стр. 71.

²⁵ Е. М. Штаерман, Античность в современных западных историко-философских теориях, «Вестник древней истории», 1967, № 3, стр. 3.

²⁶ Э. С. Маркарян, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 19, 20.

²⁷ A. Schmidt, Die Kategorien der prähistorischen Geschichtsschreibung, Herenberg, 1962, S. 22.

²⁸ А. Я. Брюсов, Кризис буржуазной археологии и поиски новых путей вслепую, «Проблемы истории докапиталистического общества» (ПИДО), 1935, № 9—10;

Эффективность его применения (в конечном счете) зависит от общих теоретико-методологических принципов, положенных в основу исследования. Поэтому советские археологи довольно успешно применяют его как вспомогательное средство при датировке археологических памятников. Но одним из основных положений марксистско-ленинской методологии является требование рассматривать культуру изучаемого общества во всем многообразии ее специфических черт, а не делать обобщающего вывода на основе типологического анализа какого-либо одного элемента культуры (посуды, боевого топора и пр.). По этому вопросу советские ученые давно ведут борьбу с западноевропейскими и американскими археологами, которые «увлекаются вопросами стратиграфии и за сменой керамических типов и стилей теряют историческую перспективу. Изучение истории древних племен и народностей подменяется... рассуждениями о влиянии одних керамических стилей на другие»²⁹.

А. А. Формозов в своей статье не дает примеров собственной работы с помощью типологического метода. Но он постоянно пользуется результатами типологических построений других авторов, для которых применение типологического метода является лишь частным моментом в их исследовательской работе, и данные типологического анализа рассматриваются ими в общем плане изучения той или иной культуры, в то время как А. А. Формозов считает возможным рассматривать данные, полученные на основе типологического анализа, вне общей характеристики культуры. Возьмем, например, его аргументацию против отнесения изображений лосей к эпохе неолита. «Костяная фигура лося,— пишет он,— найдена и на стоянке Еловка под Томском, датирующейся бронзовым карасукским ножом»³⁰. В. И. Матющенко, впервые открывший еловскую культуру, действительно, провел ее датировку не без помощи типологического метода и вышеупомянутого бронзового ножа. Но, определив карасукский возраст открытых памятников и признавая южное влияние, он отмечает, что «это влияние было не настолько значительным, чтобы полностью изменить все стороны культуры»³¹, что еловская культура продолжает традиции томской, возникшей на местной неолитической основе³². Если мы учтем наличие в еловской культуре сильных (почти доминирующих) местных неолитических традиций, то едва ли можно согласиться с тем, что найденную среди ее памятников фигурку лося надлежит использовать как аргумент против неолитического характера таких изображений.

Вообще, значительная часть возражений А. А. Формозова против существующей хронологической схемы объясняется тем, что он не учитывает соотношения между данными абсолютной и относительной хронологии.

По хронологической классификации А. П. Окладникова, первые три периода в истории сибирских писаниц выделяются по принципу относительной хронологии, и только для двух последних определяются хро-

П. И. Борисковский, Исторические попытки оформления так называемого Ното сариен, там же, 1935, № 1—2; В. А. Городцев. Типологический метод в археологии, Рязань, 1927; А. Н. Бернштам, К пересмотру формальных типологических схем, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 29, 1949.

²⁹ В. М. Массон, Средняя Азия и древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 6.

³⁰ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 72.

³¹ В. И. Матющенко, Л. Н. Игольникова, Поселение Еловка — памятник 2-го этапа бронзового века Оби, «Сибирский археологический сборник», 2, 1966, стр. 195.

³² Г. А. Максименков, Критика некоторых современных представлений о неолите Западной Сибири, «Изв. Лаборатории археологических исследований», вып. 1, Кемерово, 1967, стр. 140.

нологические даты³³. На современном уровне наших знаний неизбежен именно такой способ периодизации сибирских петроглифов. Возьмем, например, эпоху неолита. Как известно, в силу неравномерности исторического развития некоторые народности, например шумерийцы, вышли из нее еще в V тысячелетии до н. э., в то время как у эскимосов Гренландии неолитические традиции доминировали еще в XX в. н. э. Яркие примеры неравномерности развития дает также древняя история сибирских племен. Если говорить об общих тенденциях изобразительного искусства, то можно предполагать наличие в Сибири неолитических традиций наскальной живописи на довольно широком диапазоне абсолютной хронологии. Но А. А. Формозов стремится все действительное многообразие форм социально-экономического и культурного развития ограничить рамками абсолютной хронологии, которая установлена археологами для сравнительно ограниченного круга сибирских культур, не считаясь также и с тем, что периоды расцвета искусства не находятся в прямой зависимости от общего развития общества³⁴. Поэтому большая часть попыток А. А. Формозова установить для сибирских петроглифов хронологические даты представляет некоторый интерес лишь в плане определения стойкости древних традиций для той или иной местности.

Обратимся к проблеме характера диффузий, тесно связанной с упомянутым выше типологическим методом³⁵. С точки зрения марксистско-ленинской методологии распространение культурных черт определяется не географической средой, а социально-экономическими факторами. Культурные заимствования имеют место «в той культурной среде, которая была к этому подготовлена предшествующим внутренним развитием общества; при этом культурные элементы распространяются не последовательно от одной географической зоны к другой, а нередко проникают в более северные страны раньше, чем в находящиеся южнее»³⁶.

Однако у А. А. Формозова мы встречаемся с несколько иной трактовкой этого вопроса. Особое возражение у него вызывает выделение А. П. Окладниковым палеолитической группы наскальных изображений. Вот один из примеров аргументации А. А. Формозова. Речь идет о быке на Шишкинских скалах. А. А. Формозов пытается доказать, что данный петроглиф мог быть изображением не только дикого, но и домашнего быка, а следовательно, его нельзя относить к эпохе палеолита. «Кости быка, — пишет он, — также встречены А. П. Окладниковым при раскопке стоянки на р. Малая Мунку... Предполагается, что это домашний бык, а появление его в Якутии объясняется соседством с Монголией. Но Шишкино на Верхней Лене гораздо ближе к Монголии, чем Малая Мунку в районе Олекминска»³⁷. Далее следует вывод: «Ничем не доказано, что бык, изображенный в Шишкине, дикий, а не домашний»³⁸. Никаких пояснений относительно характера распространения скотоводства из Монголии на север А. А. Формозов не приводит. Вероятно, в пылу полемики он встал на путь поверхностного пренебрежения проблемами такого рода.

³³ А. П. Окладников, Шишкинские писаницы, М., 1959.

³⁴ К. Маркс, К. Критике политической экономии; К. Маркс, Ф. Энгелс, Собр. соч., т. XII, стр. 200—204.

³⁵ J. Hackel, Zum heutigen Forschungsstand der historischen Ethnologie. Die Wiener Schule der Völkerkunde, Wien, 1956, S. 33; P. Rådin, The method and theory of ethnology, New York and London, 1965, p. 72.

³⁶ А. Я. Брюсов, К вопросу о теории диффузии, «Советская археология», т. 1, 1967, стр. 12.

³⁷ А. А. Формозов, Указ. раб., стр. 74

³⁸ Там же, стр. 74.

С позиций бескрылого эмпиризма появление хронологической схемы А. П. Окладникова было бы невозможно. Между тем она нужна всем исследователям истории древней Сибири. Хронологическая классификация нужна именно как схема, которую можно было бы использовать при конкретных частных исследованиях, даже не только в плане подтверждения, но, может быть, и противопоставления, если новые факты будут ей противоречить.

Нам приходилось на протяжении ряда лет заниматься вопросами этнографии и палеоэтнографии Западной Сибири. В некоторых случаях этнографические данные соприкасаются, на наш взгляд, с материалами сибирских писаниц. Характерно, что они ни в коей мере не совпадают с поправками, предложенными А. А. Формозовым. У нас нет возможности остановиться на этих вопросах в рамках данной статьи. Приведем лишь один из примеров такого рода.

А. А. Формозов обращает внимание на то, что среди петроглифов Сибири ряд контурных изображений лосей и быков «разделен поперечной чертой, как бы отсекающей голову животного»³⁹. Следы этого своеобразного обычая были обнаружены нами у селькупов и шорцев. Он был связан с древним погребальным ритуалом, по которому голова покойного отделялась от туловища. Так поступали в том случае, если подозревали, что одна из душ данного человека еще при жизни была съедена чертями и заменена кавалозом. Тогда голову покойного обжигали на костре (чтобы уничтожить черта) и хоронили отдельно. Так же поступали с головами убитых диких животных. Домашнее животное перед смертью можно было «расшаманить» и этим избежать мести со стороны духа убитого животного. Иногда поступали иначе: перетягивали убитому животному или птице горло веревкой и били его головой о камень или дерево, чтобы прогнать злого духа. Кроме того, до недавнего времени сохранялся обычай процарапывать на сосне изображение убитого животного и ударом ножа отсекал ему голову. Этот обряд символически заменял церемонию действительного отсекания головы. Характерно, что этот обычай связывается с определенным кругом элементов материальной культуры, восходящих к эпохе неолита, и обнаруживает сходство с памятниками неолитических культур Прибайкалья⁴⁰.

С. А. Федосеева сообщает, что во время раскопок неолитического могильника на горе Туой-Хая в районе Верхнего Вилюя было обнаружено трупосожжение с «отдельным захоронением черепа под ритуальным кострищем. Так же была похоронена и собака»⁴¹. «Подобные погребения... найдены на различных неолитических памятниках Прибайкалья — в Семеновке, пади Калашникова и в устье р. Белой»⁴². Очевидно, интересующий нас обычай отсекания головы (в действительности или символически — на рисунке) был связан с древними представлениями, присущими в прошлом обширному кругу неолитических культур. А. А. Формозов пишет: «С большой долей уверенности можно выделить пласт

³⁹ Там же, стр. 77.

⁴⁰ Отдельные черты сходства памятников томских культур с прибайкальскими неоднократно отмечались в археологической литературе. (А. П. Дульзон, Томский неолитический могильник, «Ученые записки Томского гос. пед. ин-та», XVII, 1958, стр. 316, 322, 323; В. И. Матюшенко, Самусьский могильник, «Труды Томского гос. университета», т. 150, 1961, стр. 52). С упомянутым ритуалом захоронений связаны; каменные рыбы, гарпуны, плечиковые тела, наконечники стрел с асимметричными жальцами и пр.

⁴¹ С. А. Федосеева, Древние культуры Верхнего Вилюя (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандид. ист. наук), Новосибирск, 1964, стр. 5.

⁴² Там же, стр. 12.

рисунков бронзового века на Ангаре и Енисее. Это лоси и быки с отсеченными поперечной чертой головами, личины в трехрогом головном уборе, возможно, лодки и фантастические хищники»⁴³. В силу приведенных выше соображений мы не можем разделить уверенность А. А. Формозова в том, что изображения лосей и быков с отсеченными поперечной чертой головами относятся к пласту бронзового века. Вероятно, возникновение этого обычая восходит все же к неолитическому времени.

Подобного рода материалы дополнительно убеждают нас в том, что предложенная А. П. Окладниковым схема представляет собой закономерный итог существующего уровня знаний о наскальных изображениях Сибири. Если данная схема и будет когда-либо заменена другой, более совершенной, то это произойдет лишь после значительного накопления новых научных знаний и проведения конкретных исследований с соответствующей степенью овладения методикой научно-исследовательской работы, на соответствующем уровне научной генерализации.

S U M M A R Y

The author criticizes A. A. Formozov's article and supports the views of A. P. Okladnikov with regard to dating the Siberian petroglyphs. G. A. Pelikh reproaches A. A. Formozov with a predilection for details and with a typological approach; she recommends scientific generalization as a necessary condition of correct method in research work.

⁴³ А. А. Ф о р м о з о в, Указ. раб., стр. 81.